

Ин
рок

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МАЖОР И Я

мой подарок
- это ты

МОЛОДЕЖНЫЙ
Романт

ВОЙНА МЕЖДУ НАМИ
ЗАКОНЧИТСЯ НОВОГОДНЕЙ НОЧЬЮ

Эл Рок

Мажор и я. Мой подарочек - это ты!

<https://litres.ru/74695878>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я терпеть его не могу с самого первого взгляда. Платон Морозов самый невыносимый человек на планете. Он - наглый мажор, считающий себя богом. Между нами давно открыта война, но внезапно...

В канун Нового года что-то происходит. Сама не понимаю, как я оказываюсь с ним, наедине, в его квартире. И встречаю с ним Новый год.

Он по-прежнему наглый и невыносимый, а ещё... красивый, нежный и смотрит на меня, как на подарок, которого каждый ждёт под ёлкой на праздник.

Но что, если всё это лишь обман? Иллюзия? А я просто наивная дурочка!

Не верьте наглым и красивым в новогоднюю ночь, они обязательно разобьют вам сердце, стоит только немного расслабиться...

От автора:

- невинная почти нежная героиня

- наглый властный царь
 - горячо и красиво, но не переходя за рамки
 - обязательно ХЭ
- содержит нецензурную брань!

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	11
Глава 3.	20
Глава 4.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мажор и я. Мой подарочек - это ты!

Глава 1.

— Как жалко, что ты не поедешь отмечать домой. Я бы пригласила тебя к себе, но ты знаешь, какой зверь моя мама, — вздыхает Наташа, моя соратница в универе и по совместительству соседка по комнате, поправляя очки на переносице.

Мы обнимаемся.

— Да ничего. Я не особо люблю этот праздник. В моих планах на ближайшие дни работать, работать, а ещё — исследовать вдоль и поперёк нашу библиотеку, — хихикаю. — Там ещё осталось то, что я хочу потрогать.

— С Наступающим, Аля, — помахав мне на прощание, соседка вместе с чемоданом скрывается за дверью.

Ну вот и всё. В общежитии поселилась тишина. Единицы студентов так же, как я, решили встретить Новый год в этих стенах.

До смены в кофейне ещё три часа, поэтому я решаю не терять времени и посетить всё-таки библиотеку. Завтра все будут отмечать, да и я работаю полный день. Делать всё равно нечего. А книги с их неповторимым ароматом всегда бы-

ли моими лучшими друзьями.

Накинув куртку, обмотав вокруг шеи шарф и подхватив сумку, выбегаю из общаги.

На улице хорошо сегодня, тепло, снежок кружится в воздухе. Глубоко втягиваю носом зимнюю свежесть и пускаюсь к библиотеке, низкому кирпичному зданию в конце кампуса, моей тихой крепости.

Парковка перед главным корпусом почти пуста, лишь несколько машин одиноко дремлют под небольшим слоем пушистого снежка. Не глядя по сторонам, я сокращаю путь, пробегая между рядами, думая о том, какие редкие журналы хочу сегодня поднять из хранилища.

И тут всё происходит в одно мгновение.

Резкий рычащий звук мотора справа и движение задним ходом, прямо на меня. Я вскрикиваю, отпрыгиваю, но подошва сапога соскальзывает по снежной каше. Я грузно приземляюсь на колено и ладони, а затем сваливаюсь на бок, в грязный сугроб.

Машина резко замирает прямо на том месте, где только что была я. Это спортивный седан, такой тёмный и глянцевый, что в нём отражается хмурое небо.

Выдыхаю клубок белого пара, не в силах пока моргнуть и шевельнуться.

Дверь со стороны водителя распахивается, и из неё выскакивает взбешённый парень. Блин. Платон Морозов. Мой личный Ад.

— Твою мать, Соколова! Ты вообще смотришь, куда идешь?! — его голос, обычно такой наглый и до тошноты уверенный, сейчас звучит с рычащими нотами и... обеспокоенно?

Он подбегает ко мне, и в его глазах, этих надменных чёрных глазах мелькает что-то, отдалённо напоминающее испуг. Меня это настолько поражает, новая эмоция на его лице, что я не сразу могу дать реакцию.

— Эй, ты живая тут вообще?

Он приседает на корточки рядом, его дорогая куртка с мехом мягко шоркает по снегу. Без разрешения его руки тянутся ко мне, будто собираясь ощупать на предмет травм.

Отшатываюсь от него, как от огня.

— Не трогай меня! — выпаливаю я и делаю попытки быстро встать. Боль пронзает бедро и лодыжку. Начинаю заваливаться назад.

— Соколова, мать твою! — рывкает он раздражённо, и его рука всё-таки хватает меня под локоть, крепко, почти болезненно, не давая упасть. Его хватка сильная и... странно надёжная. — Несёшься как угорелая. Куда так бежишь?! Блять... Ты ушиблась? Ногу подвернула?

Он смотрит на меня пристально, оценивающе. В его дыхании вьётся пар, пахнувший мятной жвачкой. Эта внезапная неловкая забота в его тоне режет слух сильнее, чем мат.

— Отстань, Морозов. Со мной всё в порядке. Просто упала, — я вырываю руку из его захвата, стараясь держаться

максимально уверенно и совсем не испугано, хотя каждое движение отзывается болью, а сердце колотится как сумасшедшее. — В следующий раз, прежде чем давать задний ход, в зеркала посмотри! Но не уверена, что ты видишь в отражении что-то, кроме своего самодовольного лика.

Его брови взлетают вверх. Беспокойство в карих глазах сменяется привычной едкой усмешкой. Он выпрямляется, возвышаясь надо мной. А рост у него ого-го.

— О, так ещё и колкости? Значит, точно жива и здорова. Могла бы и спасибо сказать, что я не превратил тебя в блинчик на асфальте. Хотя с твоими-то данными...

Демонстративно осматривает меня сверху-вниз. Отчего я чувствую неприятный жар по всему телу. Придурок!

— Спасибо за что? За то, что чуть не переехал меня? — фыркаю. — С Наступающим тебя тоже. И поучи правила дорожного движения. Тебе не помешает!

Поворачиваюсь и, преодолевая боль, иду прочь, прихрамывая на правую ногу. Не намерена оставаться с ним наедине даже лишнюю секунду.

— Эй, Соколова! — окликает он меня, как всегда, по фамилии, небрежно. Я оборачиваюсь. Он стоит у двери своего монстра, руки в карманах узких джинсов, облегающих его длинные спортивные ноги. Не хочется верить в стереотипы, но, похоже, все хоккеисты такие кретины безмозглые. — Может, всё-таки подвезу? В больничку или куда ты там ковыляешь? Не хотелось бы потом испытывать муки совести.

Я смотрю на него, на этот символ всего, что я терпеть не могу: безнаказанность, деньги, лёгкая жизнь. И медленно поднимаю руку с оттопыренным средним пальцем.

— А я у тебя она есть разве? Вот тебе мой ответ. Катайся аккуратнее. А лучше – гуляй пешком. Полезно. Морозов.

Не дожидаясь его реакции, я разворачиваюсь и ковыляю дальше, к тёмным окнам библиотеки. За спиной я слышу хлопок дверцы и яростный рёв двигателя. Машина срывается с места, и я выдыхаю этот комок напряжение из груди.

Как же бесит!

Сердце бешено колотится в груди, пока иду. От злости, от испуга и от этой дурацкой вспышки в его глазах, когда он выскакивал из машины. Испугался, что папочка отберёт машину? Смешно, вряд ли для таких, как его семья, имеет значение наезд на таких людей, как я. Нищих.

Отряхиваю снег с коленей, обтянутых малиновыми тёплыми колготами, поправляю сумку и, глубоко вздохнув, тяну на себя тяжёлую дверь библиотеки. Туда, где пахнет старыми страницами и тишиной, где нет места ни мажорам на машинах стоимостью с дом, ни этой противной дрожи в коленях.

Платон Морозов. Это не просто звезда нашего университета. Он – икона, король кампуса и живое доказательством того, что деньги решают всё.

Его отец тот самый Морозов, чьи имя и капиталы пронизывают этот город, как корни могучего древнего дуба. И Платон носит эту фамилию как титул, а мы, простые смерт-

ные, должны расступаться перед царём и смотреть на него тем самым взглядом, который бы лишний раз подтверждал, что всё в этом мире принадлежит ему.

А я просто Аля Соколова. Если быть точнее, противоположный полюс. Стипендия, подработка в кофейне, одежда из секонда. И как единственный щит – высокий средний бал. Моя вселенная застряла где-то между зубрёжкой, стаканчиками с латте и каморкой общаги.

Мы с Платоном должны существовать в параллельных реальностях. Но Судьба, видимо, обожает все эти драмы, где сталкивает лбами подобных Морозову божков и кого-то на типе меня...

Раздеваюсь, располагаюсь на одном из столов уже с набранной стопкой желаемого. Настасья Анатольевна меня принимает здесь уже как родную. За что я от души её сегодня угостила коробкой моих любимых шоколадных конфет.

Но стоит мне начать погрузиться в интересную научную статью, как дверь в библиотеку громко распахивается, и в неё, вальяжно и так, словно он владеет здесь всем вплоть до воздуха, входит... Морозов.

А ему тут ещё что нужно?

Он находит взглядом меня, усмехается и начинает двигаться в мою сторону. А я не понимаю, почему у меня во рту пересыхает и сердце отчаянно бьётся где-то в животе...

Глава 2.

Платон шествует между рядами столов, его шаги гулко отдаются почти в пустом зале. Дорогие ботинки, распахнутая куртка, брендовая белая футболка. Взгляд его скользит по полкам стеллажей со скукой и тут же снова падает на меня.

Настасья Анатольевна удивлённо вскидывает брови, опустив очки на переносице. Да, да, сам Морозов собственной персоной. И я задаюсь таким же вопросом. Что он тут забыл? Наконец вспомнил, что у него есть мозг, и ему так же требуются базовые тренировки?

Мое сердце, только недавно успокоившееся, снова начинает молотить где-то в районе горла.

Я опускаю глаза на текст, пытаюсь раствориться в буквах, сделать вид, что Его не существует. Но я прекрасно слышу, что шаги остановились прямо около моего стола. Тень падает на страницы, а аромат дорогого парфюма нагло, как и его носитель, вторгается в моё личное пространство. Флакон он на себя вылил, что ли?

— Ну что, хромоножка, добралась до своей норки? — его голос звучит слишком громко для библиотеки.

Я не поднимаю головы. Думаю, может, так он от меня отстанет. Обычно таким быстро становится скучно, если на их персону не обращают внимания. Или... наоборот, только больше раздражает. Точно одно из двух.

— Морозов, здесь читают. Ты ошибся дверью.

Он хмыкает и вдруг обходит стол, оказывается рядом. Сбоку от меня. Опирается руками о столешницу, прямо о научные статьи своими огромными ручищами, склоняется надо мной. Слишком близко. Что я не выдерживаю.

— Что тебе нужно? — шиплю шёпотом, наконец взглянув на него. — Расстроился, что не переехал, решил добить своим видом?

— Зря ты так. А я ведь беспокоюсь. Ты же так смачно шлёпнулась, — цокнув, заявляет он, смотря на меня так, что не остаётся сомнений: он надо мной издевается.

Внезапно Платон наклоняется, его лицо оказывается ещё ближе к моему, что я слышу его дыхание. Он хватает мою ногу, задирает край юбки.

— Что ты делаешь?! — давлюсь воздухом, дёрнув ногой. Пытаюсь отодвинуться, но некуда. Сбоку стул с сумкой, позади — следующий стол.

Но его рука уже лежит на моём колене, поверх малиновых колготок, где остались зацепки из-за падения, и кожа горит. От его прикосновения меня бьёт током.

Я замираю в ступоре. Шок от его наглости смешивается с физическим шоком от его манипуляций. По телу бегут мурашки, отвратительные, какие-то неправильные. Во рту пересыхает, а в груди все сжимается в тугую, болезненный комок.

— Тихо, Соколова. Не дергайся, — его длинные паль-

цы начинают двигаться выше, ощупывая мышцу бедра через тонкую ткань. Давление то усиливается, то ослабевает. — Здесь болит? А тут? Если растянула связки, с твоей-то работой будет весело ближайший месяц.

— Платон... — хриплю я, впервые называя его по имени вслух. Упираюсь в его мощное плечо двумя ладонями, но как-то не особо прилагаю силы, чтобы оттолкнуть. Это всё шок.

— Ну? Отвечай. Здесь больно? — его палец упирается в особенно нежное место чуть выше колена, взгляд поднимается на моё лицо. Он нахмурен, я впервые вижу в его глазах не насмешку, а серьёзность. Он таким бывает?

Это как щелчок. Я вскакиваю на ноги, судорожно отталкивая его от себя, что Настасья Анатольевна встревоженно выглядывает из-за своей стойки.

— Сдурел?.. Ты вообще, что себе позволяешь?! — мой голос дрожит от ярости и чего-то ещё, чего я не понимаю. Меня откровенно трясёт.

Он выпрямляется, поднимая ладони в капитулирующем жесте. Снова. В его глазах далеко не раскаяние, а насмешка.

— Тише, тише ты, истеричка. Я просто уже имел дело с разного рода травмами. На льду такое часто. Могу определить, серьёзное что-то или простой ушиб, — пожимает плечами. — Но, если не хочешь, дело твоё. Мне, в общем-то, плевать.

С этими словами он разваливается на стуле напротив, за-

кидывает ноги на соседний пустой стул и закидывает руки на спинку своего. Его тяжёлый и пристальный взгляд прожигает насквозь. Что кажется, волосы на моей голове сейчас воспламенятся. Я тоже, всё ещё отходя от шока, опускаюсь на своё место, стараясь не смотреть на него.

— Какая недотрога, — качает головой, не отрывая своей насмешки. Но сейчас во взгляде проглядывается что-то ещё более хищное, чем обычно. — Знаешь, сколько девочек мечтает, чтобы я их так потрогал? А тебе не понравилось? Готов спорить, ты это с непривычки. Ты же не привыкла, когда в твою сторону проявляют внимание, тем более, кто-то вроде меня, а, Соколова? Девочка ты наша припевочка с далёкого Кукуево.

— Что тебе от меня нужно? — цежу тихо, я на пределе напряжения и раздражения.

Чаще всего наши с ним стычки проходят как те, что на парковке. Почти безобидно, если не считать почти наезда. Он не всегда бывает таким... поселяющим неприятную дрожь, как сейчас. Но бывает. Как будто появляется личный мотив сделать больно, унижить. Тогда в ход идут всякие мерзости. И как же я к ним сейчас не готова.

Морозов подаётся вперёд и складывает руки перед собой на стол.

— Да, ты права, мне кое-что от тебя хочется. Правды... — говорит он тихо, проникновенно, но так, что каждый звук достигает моего уха сквозь гул в висках. Его взгляд медлен-

но, хищно проходится от моего лица до груди, обтянутой водолазкой, и обратно. — Скажи, ты целка? Или только прикидываешься?

Воздух вырывается из лёгких, словно меня ударили в солнечное сплетение. Я широко открываю глаза, не веря своим ушам. Во рту пересыхает окончательно.

— Ч... что? — это всё, что я могу выдать.

Он не отводит придавливающего взгляда. Уголки его губ ползут вверх, издевательски.

— Простой вопрос, Соколова. Да или нет? — он делает паузу, даёт мне помучиться перед следующим. — Но можешь не отвечать, я уже знаю ответ. Готов поставить на то, что ты и свой острый язычок ещё никому в рот не совала.

Дыхание учащается, пульс бьётся где-то в затылке. Мне с трудом удаётся сформулировать мысли, а тем более озвучить их.

— Оставь свои больные фантазии и вопросы при себе. Я с такими, как ты, на подобные темы не общаюсь... У тебя вообще есть фильтр между мозгом и ртом, Морозов? Или его сносит вместе с дурацкой причёской?

Платон громко смеётся, откинув голову назад, и этот низкий резкий звук заставляет Настасью Анатольевну снова нахмуриться.

— Молодой человек, ведите себя прилично! Вы всё-таки в храме знаний.

— Всё, всё, обещаю вести себя очень прилично, — с под-

нятыми вверх руками он оборачивается к женщине и ослепительно ей улыбается, на что библиотекарь качает головой.

Но что поделать? Она прекрасно знает, кто такой Морозов. Весь город под его отцом, ректор университета – друг семьи. Никто не захочет рисковать своим местом, хотя и встречаются смельчаки.

Морозов снова обращает внимание на меня, расслабленно откидываясь на спинку стула.

— Расслабься, Соколова. А то сейчас лопнешь, книжки запачкаешь. Я же любя, ты знаешь.

Прожигаю его взглядом, горя от праведного гнева. Скрещиваю руки на груди и фыркаю.

— Направь свою любовь на кого-то другого. У нас крайне противоположные чувства друг к другу.

— Поплачу ночью, — подмигивает мне. А после выдыхает, хлопнув ладонями по своим ногам. — Ну ладно, Соколова, бежать мне надо. Библиотеки с её нудными обителями всё-таки не моё. А ты, кстати, почему на праздники не уехала в своё село? С книжками отмечать будешь под забеги тараканов? Вроде так веселятся зануды подобные тебе.

Смеётся он, поднимаясь с места.

Спокойно, Аля. Держись. Сейчас он уйдёт, чуть-чуть потерпи ещё. Но...

— Поверь, лучше уж с книжками и тараканами, чем с такими придурками, как ты, — огрызаюсь я, листая страницу, не видя букв. — Сочувствую твоим друзьям и родителям ис-

кренне.

Платон резко ставит ладони точно на журналы, чуть не порвав ценную бумагу, и наклоняется ко мне. Его мятное дыхание задевает мой лоб, а голос вибрирующий и тихий.

— И всё-таки, я думаю, ты здесь одна, потому что никто не хочет иметь дела с пустышкой-зубрилой, которая что и может, так это блистать умными цитатами, вычитанными в этой библиотеке. Внешность... даже ничего. Но всё портит это выражение затравленной никому не нужной мыши.

Каждое его слово словно булавка, вонзающаяся точно в больные места. Я сжимаю кулаки под столом. Он наблюдает за моей реакцией, за тем, как горит моё лицо, как дрожат губы. Ему это нравится. Это его развлечение вот уже полгода.

Я ненавижу его. Ненавижу каждой клеткой. Ненавижу как под его пристальным взглядом у меня холодеют ладони, а в животе всё сжимается в тугой узел.

— Отвали. Какое тебе дело?

Кажется, он получил то, что хотел. С довольным видом выпрямляется.

— Ладно, не буду мешать твоему духовному росту, — говорит он, уже отходя. И только я успеваю хоть немного выдохнуть, у самой двери он оборачивается и выкрикивает: — Кстати, Соколова, ничего не потеряла?

Я моргаю, сбита с толку.

— Что?

Он странно смотрит на меня. Оценивающе, прищурива-

ется. А затем пожимает плечом.

— Оставлю тебе на подумать. С Наступающим, Соколова. Береги ножки.

Дверь закрывается за ним. Я остаюсь сидеть, полыхая всем телом.

— Ну, молодёжь нынче пошла. Ишь какой наглый! Никой на него управы, — ворчит Настасья Анатольевна.

Но даже её я плохо слышу.

В ушах звенит тишина и пульс. Страницы передо мной пляшут бессмысленными строчками. Сосредоточиться невозможно. В голове стучит только одно: его тихий низкий голос, его дурацкие вопросы, его наглые прикосновения.

Я резко встаю, начинаю суматошно складывать книги. Всё равно почитать уже не смогу, лучше прогуляться, подышать свежим воздухом.

Проветриться от присутствия Морозова. После таких стычек с ним, мне всегда хочется помыться, очиститься. Для него вообще нет никаких рамок, не работают привычные нормы морали. Он каждый раз переходит всё новые и новые границы, каждый раз у него получается поражать меня своими глупостями и мерзостями.

Принимаю решение держаться от него как можно дальше. Минимум разговоров. В ноль. Нужно просто не обращать на него внимания. Как будто его не существует. Совсем.

Но обещая себе это, я ловлю себя на том, что одной рукой непроизвольно касаюсь того места на бедре, где всего

несколько минут назад лежали его пальцы. Оно как будто до сих пор горит.

Морозов в этот раз зашёл слишком далеко, позволяет себе лишнего. При следующей встрече я выскажу ему всё... всё. А дальше точно перестану обращать хоть какое-то внимание.

С отвращением к самой себе одёргиваю руку, хватаю сумку и почти бегу к выходу.

Глава 3.

"Платон"

Сажу в тачке, мотор заглушен. В тишине салона только собственное дыхание. Наматываю на кулак этот дурацкий красный шарф с бахромой по краям. Нашёл его на парковке, в сугробе, куда Она свалилась. Даже не заметила.

А я заметил, когда вернулся к универу. Потому что проверить хотел. Всё ли там с нашей Соколовой в порядке. А то валяется где-нибудь, выскочка, встать не может, обливается крокодильими слезами и проклинает меня. А я сглаженным быть не хочу, и так в последнее время какая-то херня творится.

Подношу к лицу красный кусок, вдыхаю глубоко. Пахнет... снежной свежестью, какой-то дешёвой ванильной пудрой и чем-то ещё. Чистым. Простым. Как будто тёплым молоком и детством.

Согласен, звучит по-идиотски. Но я втягиваю этот аромат снова, закрывая глаза и откидываясь на спинку кресла. Бесит и... ловлю кайф. Как поехавший.

Соколова. Выскочка из какой-то глуши. Личико смазливое, да, тут не поспоришь. Фигура ничего. Но слишком много о себе возомнила. Нос задирает, огрызается. Смотрит на меня, как на отброса. А я не привык, что на меня смотрят, как на отброса.

За мной тёлки пачками бегают. С тюнингом какой-нибудь Ирины Шейк или Беллуччи. Студенты, препода – уважают или боятся, без разницы. А тут эта... зубрилка с шитым-перешитым рюкзаком, колючим взглядом и острым язычком. Который я был бы не прочь откусить за нехорошие слова.

Каждый раз кровь закипает от стычек с ней. Хочется всё разнести к хренам.

С самой первой встречи. Где на совмещённой лекции с зародышами Соколова поправила преподшу, а я над ней невинно подшутил, она посмотрела на меня с таким презрением, что я нахрен онемел. Впервые. Кто-то. На меня. Так. Смотрел. Как на тупой кусок дерьма.

С тех пор и чешется эта заноза под кожей. Хочется поставить на место. Хочется увидеть, как краснеют её пухлые щёчки от смущения и ярости. От бессилия. Хочется схватить, прижать и понаблюдать, как трепыхается пташка, вмиг растерявшая всю свою смелость. Стараюсь только в полсилы окрашивать её жизнь в яркие краски, но вижу, что она уже на пределе. Как полчаса назад в библиотеке. О, да. Этот вкус победы каждый раз неповторим.

Борщу ли я? Может быть. Эта девчонка не заслуживает моей персональной прожарки. Да ещё и с такой стабильностью. Но...

Я вытравлю из неё этот презирающий взгляд. Будет смотреть своими большими глазками как все. С благоговением, обожанием. Вот тогда я успокоюсь и дам ей нормально вдох-

нуть.

Подношу руку с шарфом к лицу и вдыхаю запах с него снова.

М-м, этот аромат чистоты и бедности. Соколова, Соколова, зря ты со мной связалась. Правильная ты моя. Со мной тягаться бесполезно, и скоро ты это поймёшь.

Бросаю шарф на пассажирское сиденье, когда звонит телефон. Раф, друг из команды.

— Здорова, Мор. Мы сегодня в «Пепле» сидим, ты с нами?

Отвечаю положительно и срываюсь с места, кинув последний взгляд на норку Соколовой.

Жди, зубрилка, Мороз тебя без подарочков на Новый год не оставит.

«Аля»

Тридцать первое декабря.

Кофейня «Бодрящий котик», где я работаю баристой, напоминает жужжащий улей.

Воздух густой от запаха свежемолотых зерен, взбитого молока и праздничного настроения, которое здесь почему-то всё ещё громкое, хотя, казалось бы, людям сегодня не до кофе и прогулок по парку.

Я ношусь между стойкой и кофемашиной, автоматически улыбаюсь, повторяю «с Наступающим!», взбиваю пену и постоянно ловлю себя на том, что в голове у меня не затихает вчерашний день.

Рычащий звук мотора. Его взбешенное лицо. Рука, впившаяся в локоть. А потом... библиотека. Его тень, нависшая над столом. Его пальцы на моем колене. Пристальный, хищный взгляд. Голос, тихий и проникающий. Которым он задаёт те дурацкие вопросы! Уф!

Сердце сжимается в груди от ярости, и одновременно с этим живот почему-то скручивает странными спазмами, когда я... вспоминаю, как он наклонялся ко мне, как его дыхание пахло мятой.

Резко трясую головой. Ну уж нет. Прочь, Морозов!

Концентрируюсь на заказах. Двойной эспрессо, раф с кленовым сиропом, латте с имбирным пряником.

— Аля, не зевай! Заказ на стол пять готов!

Голос старшего менеджера пререзает гул. Сегодня слишком много работы, и она тут. Я киваю, хватаю поднос. Руки слегка дрожат. От усталости. Да, только от усталости.

Я разношу заказы, улыбаюсь гостям, подбираю с пола упавшую салфетку. А в голове какой-то замкнутый круг. Вот опять Он. Его усмешка. Его слова. Ощущение, что я загнана в угол. Никуда от него не деться. Морозов достал меня в универе, а теперь и на работе я не могу ни о чём думать.

Именно в этот момент, когда я, отвернувшись, пытаюсь с пеной справиться у непослушного питчера, дверь кофейни открывается с легким звонком. Я чувствую это прежде, чем вижу. Мурашки пробегают по спине. Машинально поворачиваю голову.

И на секунды так и замираю не дыша.

Платон.

Он стоит у дверей, как всегда одетый с дизайнерской иголочки. В дорогой тёмной дубленке, с непринужденной уверенностью человека, который знает, что любое пространство становится его, только он в нём появляется.

Его Морозова медленно, лениво скользит по залу и... останавливается на мне. Спокойный, изучающий. Пока без насмешки. Будто проверяет, какой эффект произвело на меня его появление.

И я ненавижу себя за то, что этот эффект есть.

Мои пальцы разжимаются сами собой. Металлический кувшин с только что взбитой, идеальной пеной выскальзывает, с грохотом падает на пол, разбрызгивая молоко и крем по моим ногам и фартуку.

— Ой! — вырывается у меня, и я тут же приседаю, чтобы собрать осколки своего профессионализма, чувствуя, как щёки заливают огнём. Со стойки на меня удивлённо и неодобрительно смотрит Лера.

Поднимаюсь. Суетливо навожу порядок, кидая быстрые взгляды в сторону. Платон всё ещё тут, не отводит глаз. Ну что ему нужно?!

Уголки его губ ползут вверх, когда он видит, как меня выводит его присутствие. Как я разваливаюсь карточным домиком.

Он, не спеша, раздевается, вешает пальто на вешалку у

входа, оставаясь в молочной водолазке, очерчивающей его идеальный спортивный торс, и направляется к свободному столику у окна. Не к стойке, где заказывают. Он садится, откидывается на спинку стула и продолжает смотреть. На меня. Крутя свой телефон в руке.

Господи, ну скажи, за что мне это!

Глава 4.

Время тянется как жвачка. Привычные действия превращается в пытку. Каждый мой шаг, каждое движение я чувствую на себе его тяжёлый тёмный взгляд.

Я путаю заказы, дважды переспрашиваю у клиентов, хотя обычно моему профессионализму можно позавидовать. Руки предательски трясутся, когда я ставлю чашки на блюда. Я роняю ложку. Проливаю немного сиропа на стойку.

Лера в какой-то момент подходит и строго шепчет:

— Соберись, Аля. Что с тобой?

— Да, хорошо...

Киваю, сжимаю кулаки под стойкой, впиваюсь ногтями в ладони. Боль помогает на секунду.

Он просто клиент. Клиент. Просто игнорируй.

Но игнорировать Платона Морозова невозможно. Он как та самая чёрная дыра, которая притягивает всё моё внимание, все мои нервные клетки, самообладание.

И вот, когда я почти привыкаю к этому давящему ощущению и пытаюсь раствориться в монотонности приготовления очередного капучино, он поднимается и направляется к стойке. Ко мне.

Мое сердце совершает прыжок куда-то в горло. Я выпрямляюсь, натягиваю на лицо вежливую улыбку, потому что должна.

Он останавливается напротив. Между нами лишь широкая стойка. Напряжение возгорается в воздухе, оно жжёт мои щёки.

Но сегодня в его глазах нет фирменной насмешки Морозова. Там другое. Что-то новое. Та же хищность, но сдержанная и серьёзная. И я инстинктивно очень сильно напрягаюсь. Стоит ждать чего-то нового?

— Привет, Соколова. Во сколько заканчиваешь сегодня? — спрашивает он, опираясь локтями о стойку, наклоняясь ко мне.

Меня его вопрос застаёт врасплох. И я отвечаю не задумываясь:

— В семь.

И только потом понимаю, что наш разговор это не что-то привычное.

— А тебе какое... — шиплю, но тут же замолкаю, натываясь на непонимающий взгляд Леры сбоку. Смотрю на Платона и натягиваю фальшивую улыбку. — Что-то будете заказывать?

Платон усмехается.

— Может, что-то посоветуешь? Сама что любишь?

Мне хочется сказать ему что-то очень агрессивное. К чему эта показная вежливость, его нахождение здесь? Что, все кофейни рядом с его домом вывелись, что он приехал в эту? Я ведь догадываюсь, что это не район его обитания. Но приходится...

— Раф на миндальном молоке с малиновым сиропом и мятой. Наш хит.

— Давай его. И вон тот чизкейк, тоже ваш хит.

Я молча киваю, разворачиваюсь к кофемашине. Чувствую его взгляд у себя на спине, между лопаток. Он им меня прожигает насквозь. Нет. Делает что-то хуже, отчего тело стынет, а затем поджаривается во фритюре.

Но я стараюсь делать всё медленно, чётко, не давая рукам заплескать снова. Взбиваю сливки, аккуратно вливаю кофе. Всё идеально. Как на главном экране с рекламой.

Ставлю стакан и десерт перед ним.

— Пожалуйста! Приятного аппетита.

Он прикладывает свою чёрную карту к терминалу. Звук успешной оплаты щёлкает в моей голове как-то слишком громко, потому что Платон не отрывает от меня взгляда. А после...

Он касается стаканчика, блюда с десертом пальцами и лёгким движением подвигает их обратно, ко мне.

— Это тебе, — говорит он с улыбкой. С незнакомой улыбкой. Простой. В смысле, как будто искренней. Его тёмные глаза не отрываются от моих. — По-моему, тебе надо перезагрузиться, Соколова. Забегалась совсем, из рук вон всё валится.

Я моргаю, сглатывая сухость в горле. Что? Зачем?.. Он что...

— Я... я не могу, — бормочу я, слыша в своём голове

откуда-то смущение вперемишку с растерянностью.

— А ты возьми и попробуй, — подмигивает мне и, прикусив губу, медленно осматривает меня сверху-вниз. От вылезших из хвоста белых завитушек и по фартуку, высоко вздымающейся груди и обратно.

Дыхание всё чаще, сердце колотится. Ставлю руки на стойку и наклоняюсь к нему.

— Что ты... ты что-то задумал, да? Морозов, пожалуйста, только не на моей работе. Меня могут уволить! — говорю с нажимом как можно тише, косясь на менеджера. Она и так сегодня не в духе. — Забирай свой заказ и уходи!

Платон делает резкое движение вперёд и оказывается в сантиметрах от моего лица. С наглой ухмылкой он шепчет, опалая моё лицо своим ментоловым горячим дыханием. Смотря куда-то в район моего рта.

— Значит, в твоих же интересах красиво улыбаться мне и делать так, как я говорю, Соколова. Ты же умеешь быть хорошей девочкой, я знаю. Побудь немного.

Внутри что-то срывается вниз. Дыхание перехватывает. И я резко отстраняюсь, оглядываюсь, проверяя, не видел ли меня кто-то в такой двусмысленной близости с этим мажором. На самом деле, никому нет дела до нас. Лишь только я чувствую себя сбитой с толку. Ну и может, ещё вон те две девушки, которые не сводят глаз с Морозова, как только он вошёл сюда, следят за каждым его и моим движением.

Тело отчего-то дрожит, и все мысли теряются, как буд-

то ураганом сдувает. Открываю и закрываю рот, не в силах оправдать свою реакцию.

Морозов же, точно довольный моим состоянием, ещё раз сканирует меня странным взглядом, а после разворачивается и уходит так же неспешно, как и пришёл.

Я стою, уставившись на стакан с рафом, который он оставил мне. Сливочная шапка медленно оседает...

Весь оставшийся до конца смены час я нахожусь не в себе. Мысли скачут, как дикие обезьяны. Зачем? Чего он хочет? От меня? Специально ли он зашёл в это кафе или у меня паранойя? Решил отомстить за средний палец? Устроить очередное унижительное шоу? Но каким образом?

На всякий случай, к сладкому напитку и десерту я не при-трагиваюсь. Хотя я и готовила это сама, не рискую. Мало ли, порчу навёл или подсыпал чего-то, пока я находилась в транс-се, в котором мозг свой я чувствовала... совсем не чувствовала.

Вдруг вспоминаю все наши стычки. От самой первой. Наши словесные перепалки. Как однажды в столовой он не пропустил меня в начало очереди, хотя для меня там занимали. Сказал что-то о том, что моё место на дне. Мне так обидно стало, что я выплеснула ему в лицо вишнёвый компот.

А наследующий день кто-то запер меня в раздевалке после физкультуры, забрал всю одежду и выключил свет.

Нет, это сделал не Морозов. Он хоть и отбитый на голову мажор, но до такого не опустится. Почему-то уверена в этом.

А ещё уверена, что сделали это мои одноклассницы, которые по нему сохнут с самого первого дня. Почему-то многие в университете думают, будто между мной и Морозовым что-то есть, и только на людях мы ломаем комедию с отвращением друг к другу.

Ерунда какая...

— Аль, ты чего замерла? Закрываемся! — оклик Леры возвращает меня в реальность. — Никуда не торопишься? Мне вот ещё стол праздничный накрывать.

Я отмираю и начинаю суетливо мыть посуду, протирать стойки. Руки действуют автоматически. Выкидываем из головы Морозова с его странным поведением. Ещё чего не хватало им голову забивать, слишком много чести.

Когда я, наконец, снимаю фартук, надеваю куртку и выхожу через служебный выход, на улице уже темно и почти пусто. Где-то вдалеке запускают салюты, светятся праздничные огни города.

Но моё сердце замирает от другого.

У входа в кафе стоит знакомый спортивный седан. И, приклонившись к водительской двери, стоит Платон. Его мощная высокая фигура привлекает всё моё внимание. Руки в карманах узких черных джинсов, куртка нараспашку, голова чуть склонена, уголок губ приподнят в улыбке, взгляд цепкий. Всё это как будто... он ждал именно меня. Но ведь это не может быть так?

Он отталкивается от машины и делает несколько нетороп-

ливых шагов мне навстречу. В его движениях нет привычной наглой агрессии.

— Удивлена? — его голос в относительной тишине улицы звучит и громко, и тихо, но без насмешки. Он останавливается в паре шагов, рассматривая моё застывшее лицо.

— Что ты здесь делаешь? — выдавливаю я, и мой голос звучит хрипло от напряжения. Оглядываюсь на Леру. Та удивлённо осматривает нас, машет мне, я киваю заторможено, и она уходит. Оставляя меня с Морозовым совсем одну...

— Если скажу, что переживаю за твою ножку и хочу подвезти, согласишься?

Шея скрипит, когда я ей дёргаю в отрицательном ответе.

— Морозов, скажи честно, ты чего такой добренький? У меня перцовый баллончик с собой, — быстро лезу в сумку и нащупываю металлический бутылёк, достаю, настороженно смотря на парня. — На тебя не пожалею, имей ввиду.

Платон усмехается, а потом хватается меня за руку с выставленным баллончиком и мягко дёргает на себя. Теряю воздух, на крышечку нажать сил в пальце не хватает. Он наклоняется к моему уху, прикрытому шапкой, и тихо, хрипло говорит:

— М-м, перцовка, да ты шалунья. Я всегда знал, что у тебя ко мне особое отношение... Но вряд ли ты захочешь целовать слепого, поэтому побереги его для кого-то другого, окей?

По спине бегут мурашки, внизу живота ёкает. Я пугаюсь этого.

— Ч-что? — глухо переспрашиваю, а потом толкают его в грудь, вкладывая в ладонь всю свою силу. — С ума сошёл? Отвали и... и больше не приближайся ко мне!

Платон весело смеётся.

— Так вот, чего ты боишься больше всего? Не того, что я могу увезти тебя в лес и там прикопать. Или выкинуть из машины на ходу. А того, что тебе придётся со мной целоваться? И хотя я не исключаю такой платы... — он делает шаг назад. Но только для того, чтобы открыть пассажирскую дверь и кивнуть в приглашающем жесте. — В этот раз обойдёмся простым «спасибо». Садись давай, ничего я тебе не сделаю. Нет никакого подвоха.

Эта всё от него звучит так странно. Всё происходящее напрягает до наэлектризованных волосков по всему телу. Эта внезапная, непонятная «добродота» действует на меня как красный флаг. Всё внутри сжимается от тревоги и подозрения. Это какая-то игра. Новая, более изощренная.

— Нет, — говорю я резко, складывая баллончик обратно в сумку. — Спасибо. Не надо. Я сама.

— Соколова, не глупи, — в его голосе прорывается лёгкое раздражение, но он тут же сглаживает его. — Я просто подвезу. Клянусь, пальцем тебя не трону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.